

УДК 130.2

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-587-593

**КНИГА КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ****THE BOOK AS A SUBJECT OF PHILOSOPHY AND CULTURAL STUDIES****С.М. Шарабарин
S.M. Sharabarin**

Белгородский институт искусств и культуры, Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, 7

Belgorod state institute of arts and culture, 7 Korolyova st., Belgorod, 308033, Russia

E-mail: mixailsharabarin@mail.ru

Аннотация

В статье дается обоснование общего философско-культурологического подхода к пониманию феномена книги в виде синтеза экзистенциального и семиотического методов, на основе концепции «мира как книги» Х.-Л. Борхеса и концепции полиморфизма семиосферы Ю.М. Лотмана. Показано, что выход за рамки тривиальных представлений об «онтологии» книги и ее культуросозидающей функции возможен в рамках понимания книги как «модели мира» и как динамического субъекта культуры, обладающего диалогическим статусом. Книга развивалась одновременно с развитием общества, воплощая в себе его основные достижения и отвечая требованиям той или иной исторической эпохи. Книга как продукт, созданный в сфере материального производства, имеет вещественную форму, отличающуюся индивидуальностью элементов, характерных для каждого исторического отрезка времени. Вместе с тем она оказывает воздействие на самую тонкую сферу человеческой личности – на его духовный мир.

Abstract

The article substantiates the General philosophical and cultural approach to understanding the phenomenon of the book in the form of synthesis of existential and semiotic methods, based on the concept of "the world as a book" by H.-L. Borges and the concept of polymorphism of the semiosphere by Y. M. Lotman. It is shown that going beyond the trivial ideas about the "ontology" of the book and its cultural function is possible within the framework of understanding the book as a "model of the world" and as a dynamic subject of culture, which has a dialogical status. The book developed simultaneously with the development of society, embodying its main achievements and meeting the requirements of a particular historical era. The book as a product created in the field of material production, has a real form, different personality elements characteristic of each historical period of time. At the same time, it affects the most delicate sphere of the human person – his spiritual world. Under the influence of the book, each individual has different ideas, images, thoughts, which in the process of existence form a cumulative knowledge, giving impetus to a new round in the development of social consciousness.

Ключевые слова: книга, мир, семиосфера, Х.-Л. Борхес, Ю.М. Лотман.**Keywords:** book, world, universe of the mind, H.-L. Borges, Y.M. Lotman.

Общеизвестный феномен книги содержит в себе ряд парадоксов философского характера, которые требуют специального анализа. В первую очередь, это парадокс передачи духовного содержания посредством материального носителя и парадокс передачи особого индивидуального содержания посредством массового и стандартизированного фено-

мена, каковым является книга в своей материальной форме. Вместе с тем до настоящего времени не существует такой специальной сферы философской рефлексии, которую можно определить как «философию книги», хотя ценные наработки в этом направлении имеются. Так, в теоретико-методологическом труде известного русского книговеда М.Н. Куфаева (1888–1948) «Проблемы философии книги» (1924) книга определялась как «психический» феномен и как особая форма общения [8, с. 65].

Среди работ современных авторов стоит выделить статью М.П. Ельникова «Феномен книги (теоретико-гносеологический аспект)», в которой автор рассматривает специфику познания реальности через книгу на основе герменевтического подхода [5]. В свою очередь, К.С. Загаров в статье «Книга как феномен культуры» предложил ее философско-культурологическое определение: «сущность книги как категории, как системы смыслов заключается в том, что книга – это способ отражения (авторской мысли и т. д.) и средство формирования индивидуального, общественного и группового сознания (восприятие ее читателями)... Отсюда книга – это не только материально-предметная ее оболочка (книжное издание), но и нечто идеальное, что существует умозрительно, в нашем сознании, т. е. после ее прочтения в нашем сознание остается некое отражение содержания книги, идея, образ, который будет храниться в нашей памяти вне зависимости от существования материальной конструкции книги. Сущность книги на протяжении веков остается неизменной, тогда как форма книги может меняться» [6]. Как видим, это автор просто констатирует парадоксы книги, но не дает им объяснения.

Т.А. Бруева в первой в России кандидатской диссертации, написанной на эту тему «Книга как феномен культуры: философский аспект» (2006) особое внимание уделила кризису книги в информационную эпоху. Согласно ее тезису, «антропологическая суть этого кризиса состоит в игнорировании аудиовизуальной культурой творческого воображения субъекта и его идеалов и ценностей» [4, с. 12]. В коллективной монографии «Общество и книги: от Гутенберга до Интернета» (2000) для нашей темы представляют интерес статьи известного философа В.М. Межуева «Феномен книги и национальное в культуре» [12] и П.Д. Тищенко «Книга как антропология» [13]. В первой из них книга рассматривается как феномен, конституирующий национальное бытие, создавая историческую память; во второй – выделен тот аспект книги, который связан с конституированием «образа человека».

Несмотря на разнообразие подходов, очевидно, что до сих пор не удалось выйти за рамки достаточно тривиальных представлений об «онтологии» книги и ее культуросозидающей функции. На наш взгляд, это можно сделать, если обратиться к двум важным интеллектуальным традициям в осмыслении бытия текстовой культуры и, соответственно, книги. Первая – это экзистенциальная рефлексия над книгой, особо ярко явленная в некоторых эссе Х.-Л. Борхеса; вторая – это концепция полиморфизма «семиосферы» Ю.М. Лотмана.

Целью данной статьи является обоснование и формулировка общего философско-культурологического подхода к пониманию феномена книги на «пересечении» экзистенциального и семиотического методов.

Сразу же стоит отметить, что изначальное единство экзистенциального и семиотического аспектов имеет место в тех случаях, в которых книга рассматривается как особый архетип культуры, пронизывающий все отдельные исторические культуры. Например, в таком определении:

«Символ вселенной, книги мира и книги жизни. Открытая книга означает книгу жизни, учение и дух мудрости, откровение и мудрость писаний. Книга связана с символизмом дерева, и дерево вместе с книгой могут олицетворять целый космос... Страницы жизни есть листья Космического Древа, символизирующие все существующее во вселен-

ной; Десять Тысяч Вещей. Книга – одна из Восьми Святых Вещей в китайском буддизме. В христианстве книги – это апостолы, просвещающие нации. Эмблема святых Августина и Киприана. Христа часто изображают держащим книгу. В исламе вселенная – это просторная книга (ибн Араби). Книга с ручкой – созидательная субстанция, статичное бытие; ручка – это созидательный принцип. Священная Книга – это Имя Божье, истина и милосердие» [7, с. 412].

В другом издании книга определяется как «самоочевидная эмблема мудрости, науки и учения, книга также широко применяется в иконографии как символ Божественного Откровения, особенно в христианской и исламской религиях. Для арабских мистиков книга была метафорой самой жизни, всего мироздания. В некоторых легендах о Граале рыцари ищут не чашу, а книгу и потерянное слово. В живописи с книгой в руках изображались пророки, апостолы (евангелист Иоанн изображен погруженным в Книгу Откровения), Христос, Дева Мария в сценах Благовещения и аллегорические фигуры Истории, Философии, а также Музы. Книга с крестом означает Веру. Сжигание книг символизирует отречение от старых верований и традиций» [14, с. 209].

Как видим, в приведенных примерах «архетипических» определений книги она рассматривается в связи с самыми общими символами культуры, имеющими экзистенциальный характер. Тем не менее, задача философской рефлексии в данном случае состоит в том, чтобы разделить эти аспекты и тем самым рассмотреть их по отдельности. Начнем с первого из них.

Хорхе Луи Борхес свое эссе «Книга» начинает с феноменологического определения: «Среди различных орудий, которыми располагает человек, самым удивительным, несомненно, является книга. Все остальное можно считать его физическим продолжением. Микроскоп и телескоп – продолжают глаз, телефон – голос, плуг и шпага – руки. Но книга – совсем другое дело, книга – продолжение памяти и воображения» [1, с. 501]. Тем самым книга выделяется в особую сферу проявления человеческих «сущностных сил», принципиально отличную от телесности и прагматических целей.

Далее Х.-Л. Борхес пишет о каббалистах, которые «полагали, что сила веления Господа исходила из букв в словах. В трактате «Сефер Йецира» («Книга Творения»), написанном в Сирии или в Палестине около VI века, говорится, что Иегова Сил, Бог Израиля и всемогущий Бог сотворил мир с помощью основных чисел от одного до десяти и с помощью двадцати двух букв алфавита. Что числа суть орудия или элементы Творения – это догмат Пифагора и Ямвлиха; но что буквы играют ту же роль – это ясное свидетельство нового культа письма» [2, с. 425].

«Но христиане пошли еще дальше, – продолжает Х.-Л. Борхес. – Идея, что Бог написал книгу, побудила их вообразить, что Он написал две книги, одна из которых – Вселенная. В начале XVII века Фрэнсис Бэкон в своем «Advancement of learning» заявил, что Бог, дабы мы избежали заблуждений, дает нам две книги: первая – это свиток Писания, открывающий нам Его волю; вторая – свиток творений, открывающий нам Его могущество, и вторая представляет собою ключ к первой. Бэкон имел в виду нечто гораздо большее, чем яркая метафора: он полагал, что мир можно свести к основным формам (температура, плотность, вес, цвет), ограниченное число которых составляет *abecedarium naturae*, или ряд букв, которыми записан универсальный текст Вселенной. Сэр Томас Брауд в 1642 году написал: «Есть две книги, по которым я изучаю богословие: Священное Писание и тот универсальный и всем доступный манускрипт, который всегда у всех перед глазами. Кто не увидел Его в первом, те обнаружили Его во втором» («Religio Medici», I, 16)» [2, с. 425]. Наконец, весь этот исторический перечень концепций книги как мира или даже Вселенной, содержащейся в замысле Божиим, концепций, имевших сакральный, эзотерический характер, находит свое продолжение и в секулярной культуре, прежде всего,

у поэтов. «Согласно Малларме, – пишет Х.-Л. Борхес, – мир существует ради книги; согласно Блуа, мы – строки, или слова, или буквы магической книги, и эта вечно пишущая книга – единственное, что есть в мире, вернее, она и есть мир» [2, с. 428]. А в эссе «Цветок Колриджа» он приводит слова Эмерсона: «Все книги на свете написаны, я бы сказал, одной рукой: по сути они так едины, словно составляют собрание сочинений одного странствующего и вездесущего автора» [3, с. 338].

Давая сжатую картину мышления о книге как бы всего целостного человечества, Х.-Л. Борхес осуществил рефлексию, которая основана не на абстрактных рассуждениях, а на совокупности общечеловеческого опыта. Этот опыт, в конечном счете можно свести к трем положениям: 1) книга есть модель Вселенной; 2) прообразом, «архетипом» книги является Слово Божие; 3) все разнообразие книг является проявлением единства человеческого духа всех времен и народов, и в этом смысле все они являются частями одной Книги.

Семиотический подход Ю.М. Лотмана позволяет рассмотреть феномен книги с прямо противоположной стороны – не с религиозно-мистической, а с сугубо приземленной, рассматривая ее в первую очередь как источник информации и средство ее передачи. Такое представление опирается на определенную модель культуры. Как пишет автор, «культура есть устройство, вырабатывающее информацию. Подобно тому как биосфера с помощью солнечной энергии перерабатывает неживое в живое (Вернадский), культура, опираясь на ресурсы окружающего мира, превращает не-информацию в информацию. Она есть антиэнтропийный механизм человечества). К ней можно применить слова Гераклита Эфесского: «Психее присущ самовозрастающий логос». Для того, чтобы культура могла выполнить эту задачу, ей необходима, прежде всего, сложная внутренняя организация» [9, с. 9].

Данное определение культуры затем конкретизируется у него в понятиях «семиотического универсума» или «семиосферы». Как пишет Ю.М. Лотман, «можно рассматривать семиотический универсум как совокупность отдельных текстов и замкнутых по отношению друг к другу языков. Тогда все здание будет выглядеть как составленное из отдельных кирпичиков. Однако более плодотворным представляется противоположный подход: все семиотическое пространство может рассматриваться как единый механизм (если не организм). Тогда первичной окажется не тот или иной кирпичик, а “большая система”, именуемая семиосферой. Семиосфера есть то семиотическое пространство, вне которого невозможно само существование семиозиса» [11, с. 13].

В статье «Динамическая модель семиотической системы» Ю.М. Лотман предлагает такую модель функционирования семиосферы, в рамках которой можно понять книгу как специфический семиотический феномен со своими особыми законами функционирования в рамках данной системы. «Поскольку описание, – пишет автор, – влечет за собой повышение меры организованности, самописание той или иной семиотической системы, создание грамматики самой себя является мощным средством самоорганизации системы. В такой момент исторического существования данного языка и – шире – данной культуры вообще в недрах семиотической системы выделяется некоторый подязык (и подгруппа текстов), который рассматривается как метаязык для описания ее же самой» [10, с. 93]. Именно исторический момент появления «метаязыка для описания ее же самой» в рамках семиотической системы и становится тем моментом, когда в культуре появляется возможность и необходимость создания письменных текстов, которые чуть позже и создадут уже книгу как специальную форму организации этих текстов в относительно замкнутые целостности. Тем самым концепция Ю.М. Лотмана позволяет перейти от эмпирической фиксации появления письменных текстов и книги в культуре, к теоретическому объяснению этого момента.

В концепции Ю.М. Лотмана сформулирован и «механизм» этого процесса, суть которого состоит в том, что «создание определенной системы самоописания “доорганизовыв-

вает” и одновременно упрощает (отсекает «излишнее») не только в синхронном, но и в диахронном состоянии объекта, то есть создает его историю с точки зрения самого себя. Складывание новой культурной ситуации и новой системы самоописаний переорганизует предшествующие ее состояния, то есть создает новую концепцию истории. Это вызывает двойные последствия: с одной стороны, открываются забытые предшественники, культурные деятели, и историки более раннего периода обвиняются в слепоте. Предшествующие данной системе факты, описанные в ее терминах, естественно, могут привести только к ней и лишь в ней обрести единство и определенность» [10, с. 95]. Это описание общего семиотического процесса весьма четко соответствует историческому «механизму», который можно было бы назвать «книгопорождением». Действительно, именно такой процесс непрерывного самоописания и доорганизывания системы культуры как динамической семиотической системы требует создания своих жестко фиксированных форм, каковыми и становятся книги.

Этот процесс имеет свои особые закономерности и на уровне работы субъекта культуры – человека. Как пишет Ю.М. Лотман, «в памяти культуры (а также любого культурного коллектива, включая отдельного индивида) хранится не одна, а целый набор метасистем, регулирующих его поведение. Системы эти могут быть взаимно не связаны и обладать различной степенью актуальности. Это позволяет, меняя место той или иной системы на шкале актуализованности и обязательности, переводить текст из неправильного в правильный, из запрещенного в разрешенный. Однако смысл амбивалентности как динамического механизма культуры именно в том, что память о той системе, в свете которой текст был запрещен, не исчезает, сохраняясь на периферии системных регуляторов» [10, с. 98]. Действительно, усилия автора – субъекта, создающего книгу, в целом регулируются именно этой динамикой актуализации культурной периферии, перевода текста «из неправильного в правильный, из запрещенного в разрешенный», и поэтому все новое, что создается в этом сложном процессе, формируя уникальность содержания книги, становится возможным как индивидуализация этих изначальных условий.

Особенно значимый и тонкий момент в индивидуализации содержания книги определяется отношением автора со своим символическим Другим – то есть тем культурным полем, от которого он отталкивается, либо, наоборот, к которому притягивается или которое хочет создать впервые. Ю.М. Лотман описывает этот процесс как «перевод» одного содержания в другое и как преодоление «чужого» таким образом: «В более сложных коммуникативных ситуациях “я” заинтересован в том, чтобы контрагент был именно “другим”, поскольку неполнота информации может полезно восполняться лишь стереоскопичностью точек зрения сообщения. В этом случае полезным свойством оказывается не легкость, а трудность взаимопонимания, поскольку именно она связывается с наличием в сообщении “чужой” позиции. Таким образом, акт коммуникации уподобляется не простой передаче константного сообщения, а переводу, влекущему за собой преодоление некоторых – иногда весьма значительных – трудностей, определенные потери и одновременно обогащение “меня” текстами, несущими чужую точку зрения. В результате “я” получаю возможность стать для себя также “другим”» [10, с. 100].

В своей основе этот процесс носит диалогический характер взаимного дополнения и пересечения субъектов: «Коммуникация между неидентичными отправителем и получателем информации означает, что “личности” участников коммуникативного акта могут быть истолкованы как наборы неадекватных, но обладающих определенными чертами общности кодов. Область пересечения кодов обеспечивает некоторый необходимый уровень низшего понимания. Сфера непересечения вызывает потребность установления эквивалентностей между различными элементами и создает базу для перевода» [10, с. 100]. Этот диалогический механизм переводит понимание книги и ее постоянного и все время

нового возникновения в культуре уже в тот экзистенциальный ракурс, о котором говорилось относительно концепции Х.Л. Борхеса. Тем самым здесь находят точку соприкосновения эти два принципиально разные подхода.

В качестве более общего вывода из проведенного анализа поставленной проблемы можно утверждать, что выход за рамки тривиальных представлений об «онтологии» книги и ее культуросозидающей функции возможен в рамках понимания книги как «модели мира» и как динамического субъекта культуры, обладающего особым «диалогическим» статусом. Две выявленные модели, по сути, являются взаимодополнительными и позволяют сочетать при изучении книги как культурно-исторического феномена как ее особый «метафизические» аспекты, так и конкретные механизмы информационного функционирования.

Список литературы

References

1. Борхес Х.-Л. Книга // Борхес Х.-Л. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 3. – СПб: Амфора, 2011. С. 501–510.
Borges J. L. the Book // Borges, J. L. collected works in 4 volumes. Vol.3. – SPb: The Amphora, 2011. S. 501–510.
2. Борхес Х.-Л. О культе книг // Борхес Х.-Л. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. – СПб: Амфора, 2011. С. 424–429.
Borges J. L., On the cult of books // Borges, J. L. collected works in 4 volumes. Vol.2. – SPb: The Amphora, 2011. P. 424–429.
3. Борхес Х.-Л. Цветок Колриджа // Борхес Х.-Л. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. – СПб: Амфора, 2011. С. 338–342.
Borges H.-L. Flower of Coleridge // Borges H.-L. collected works in 4 volumes. Vol.2. – SPb: The Amphora, 2011. С. 338–342.
4. Бруева Т.А. Книга как феномен культуры: философский аспект: дисс. на соиск уч. ст. кандидата философских наук: 24.00.01. – Москва, 2006. 170 с.
Brueva T. A. Book as a phenomenon of culture: philosophical aspect: Diss. for the candidate of philosophical Sciences: 24.00.01. – Moscow, 2006. 170 p.
5. Ельников М.П. Феномен книги (теоретико-гносеологический аспект) // Книга. Исследования и материалы. – М.: Книга, 1995. Сб. 71. С. 53–69.
Elnikov M. P. phenomenon of the book (theoretical and epistemological aspect) // Book. Research and materials. – М.: Kniga, 1995. Sat. 71. P. 53–69.
6. Загаров К.С. Книга как феномен культуры // Современные научные исследования и инновации. 2012. № 8 [Эл. ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2012/08/16535> (дата обращения: 07.08.2018).
Zahgarov K.S. Book as a phenomenon of culture // Modern scientific researches and innovations. 2012. № 8
7. Крылов П.А. Словарь символов. 990 слов. – СПб.: Полиграфуслуги, 2005. 432 с.
Krylov P. A. Dictionary of symbols. 990 words. – SPb.: Polygraph services, 2005. 432 s.
8. Куфаев М.Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. – М.: Наука, 2004. – 192 с.
Kufayev M. N. Problems of philosophy of the book. The book is in the process of communication. – М.: Science, 2004. - 192 p.
9. Лотман Ю.М. Вместо предисловия // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. I Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. С. 9–11.
Lotman Yu. M. Instead of the Foreword // Lotman Yu. M. Selected articles in three volumes. I Articles on semiotics and typology of culture. – Tallinn: Aleksandra, 1992. P. 9–11.
10. Лотман Ю.М. Динамическая модель семиотической системы // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. I Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. С. 90–102.

Lotman Yu. M. Dynamic model of a semiotic system // Lotman Yu. M. Selected articles in three volumes. I Articles on semiotics and typology of culture. – Tallinn: Aleksandra, 1992. P. 90–102.

11. Лотман Ю.М. О семиосфере // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. I Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. С. 11–25.

Lotman, Y. M. On semiosphere // Lotman Yu. M. Selected articles in three volumes. I Articles on semiotics and typology of culture. – Tallinn: Aleksandra, 1992. P. 11–25.

12. Межуев В. М. Феномен книги и национальное в культуре // Общество и книги: от Гутенберга до Интернета. – М.: Традиция, 2000. С. 95–110.

Mezhuyev V. M. the phenomenon of books and national in culture // Society and books: from Gutenberg to the Internet. – М.: Tradition, 2000. P. 95–110.

13. Тищенко П. Д. Книга как антропология // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. – М.: Традиция, 2000. С. 185–194.

Tishchenko P. D. the Book as anthropology, Society and book: from Gutenberg to the Internet. – М.: Tradition, 2000. P. 185–194.

14. Тресиддер Дж. Словарь символов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с. Tresidder J. The dictionary of symbols. – М.: fair-PRESS, 1999. 448 s.